

ISSN 2079-6021 (Print)

ISSN 2619-029X (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

CURRENT ISSUES IN PHILOLOGY AND PEDAGOGICAL LINGUISTICS

№3 2023

ВЛАДИКАВКАЗ
VLADIKAVKAZ

ISSN 2079-6021 (Print)
ISSN 2619-029X (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

№3 2023

Научный журнал

[https://doi.org/ 10.29025/2079-6021-2023-3](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3)

<http://philjournal.ru>

Тематический выпуск

ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА: НАПРАВЛЕНИЯ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Приглашенный редактор

*доктор филологических наук, профессор
Элла Анатольевна Китинина*

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-75316 от 15.03.2019 г.

Издание имеет регистрацию в международном центре стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN 2079-6021 от 10.05.2010 г.)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ Эл ФС77-72568 от 04.04.2018 г.

Издание имеет регистрацию в международном центре стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN 2619-029X от 31.05.2018 г.)

Основан в 2000 году

Учредитель: ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА»

Главный редактор

Тамерьян Татьяна Юльевна,
доктор филологических наук,
профессор
(Владикавказ, Российская Федерация)
E-mail: tamertu@mail.ru

Заместитель главного редактора

Воркачев Сергей Григорьевич,
доктор филологических наук,
профессор
(Краснодар, Российская Федерация)
E-mail: svork@mail.ru

Ответственный секретарь

Кусаева Елена Эльбрусевна,
кандидат филологических наук,
специалист отдела внешних связей
(Владикавказ, Российская Федерация)
E-mail: lena_kusaeva@mail.ru

ISSN 2079-6021 (Print) ISSN 2619-029X (Online)

© ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», 2023.

Оригинальная статья

УДК: 82'06+81'42

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156>

Развенчание языка церкви Л.Н. Толстым в романе «Воскресение»

Молнар Ангелика

Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

ORCID ID: 0000-0002-7896-1480;

Russian Index of Citation Author ID: SPIN-код: 1146-9936;

Web of Science Researcher ID: C-9032-2019;

Scopus Author ID: 57224933518;

e-mail: mandzsi@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается, во-первых, монологическое повествовательное слово в романе Л.Н. Толстого «Воскресение», в котором важное место занимают церковный обряд и лексика, связанная с церковной жизнью; а во-вторых, ярко выраженный баланс в утверждениях посредством дискурсивных образов. Актуальность исследования обусловлена тем, что с течением времени интерес к первому аспекту продолжает усиливаться, и происходит это на фоне нивелирования значения второго. Поэтому настоящее исследование направлено не на вступление в дискуссию об идейных установках писателя, а скорее на выявление в этой связи некоторых повторяющихся деталей, мотивов и метафорических конструкций, встречающихся в тексте романа. Целью статьи является изучение поэтических элементов определенных фрагментов текста романа Л.Н. Толстого «Воскресение», которые создаются вопреки идеологической трактовке и развенчанию языка церкви. Выявляются нарративные приемы, при помощи которых в «Воскресении» высмеиваются религиозные обряды и язык церкви. Применяются методы лингвопоэтического и нарратологического анализа. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что в то время как слова, предметы, элементы и акты действия пасхального восхождения и причащения разоблачаются в наррации, подлинное душевное воскресение презентуется при помощи природных и звуковых мотивов и реализации метафор на уровне авторской идиостилистики. В результате такого анализа можно утверждать, что в романе Толстого ориентированность на замкнутые институты власти сменяется подлинной дорогой к прозрению. Таким образом писатель обнажает безжизненные слова обряда, освобождает язык от внешнего насилия и открывает перед ним новые перспективы, которые и воплощаются в романе «Воскресение».

Ключевые слова: Толстой, «Воскресение», церковь, развенчание, построение, поэтические образы.

Для цитирования: Молнар А. Развенчание языка церкви Л. Н. Толстым в романе «Воскресение». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. №3. С. 145–156. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156>

Destruction of Church Language by Leo Tolstoy in the “Resurrection” Novel

Angelika Molnár

University of Debrecen (Hungary, Debrecen);
ORCID ID: 0000-0002-7896-1480;
Russian Index of Citation Author ID: SPIN-код: 1146-9936;
Web of Science Researcher ID: C-9032-2019;
Scopus Author ID: 57224933518;
e-mail: mandzsi@gmail.com

Abstract: The paper examines, firstly, the monologue narrative word in Leo Tolstoy’s novel “Resurrection”, which exposes the church language and ritual; and secondly, a strong balancing of thesis through discursive images. The relevance of the study is due to the fact that the increased interest in the first topic is timeless due to the belittling of the significance of the second, so this study is not aimed at entering into a discussion about the ideological attitudes of the writer, but rather at identifying in this regard some recurring details, motifs and metaphorical constructions generated by the text of the novel. Thus, the aim of the paper is to study the poetic elements of certain fragments of the text of Tolstoy’s novel “Resurrection”, which are created contrary to the ideological interpretation and debunking of the language of the church. Regarding the method of research: for analysis, on the one hand, narrative techniques are highlighted, with the help of which religious rites and language in the “Resurrection” are ridiculed, and on the other, methods of linguapoetic analysis are used. The main conclusions of the study are that while the words, objects, elements and acts of action of Easter praise and communion are exposed in narration, the true spiritual resurrection is presented with the help of natural and sound motifs and the implementation of metaphors at the level of the author’s idiosyncrasies. As a result of this analysis, it can be argued that in Tolstoy’s novel, closed institutions of power are replaced by a genuine road to enlightenment. Thus, the writer exposes the petrified words of the rite, frees the language from external violence and opens up new perspectives for it, which becomes the “Resurrection”.

Keywords: Tolstoy, “Resurrection”, religion, destruction, construction, poetic images.

For citation: Molnár Angelika. Destruction of Church Language by Leo Tolstoy in the “Resurrection” Novel. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023, no 3, pp. 145–156. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156> (In Russ.).

Введение

В литературно-критических работах много говорится о том, что для повествовательного слова в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» характерна сильная идеологичность, однако реже упоминается умение писателя создавать метафорические образы. К таковым можно отнести слова, обозначающие необычные явления и детали, которые развенчиваются и предстают как обыденные, повседневные, а также орнаментальное воспроизведение одних и тех же компонентов текста. Но наиболее любопытными являются поэтические трансгрессии, встречающиеся в тексте романа [1]¹, которые индифферентно, опосредованно выражают слишком прямые оценочные высказывания нарратора.

Цель статьи состоит в анализе элементов поэтики романа Л.Н. Толстого «Воскресение», которые создают баланс идеологической трактовки, и в доказательстве на этом основании производимом писателем развенчания языка церкви.

¹ Толстой Л.Н. Воскресение. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 32. М.: Худ. лит.; 1936. Доступно по: <https://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/1000/> <https://tolstoy.ru/online/90/32/>. Ссылка активна на: 23.05.2023. Tolstoy L.N. Ressurrection. The Complete Works in 90 vol. Vol. 32. М., Hud.lit., 1936. Available at: <https://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/1000/> <https://tolstoy.ru/online/90/32/>. Accessed at: May 23, 2023. (In Russ.). Все выделения в цитатах полужирным шрифтом. – наши (А.М.).

Обзор литературы

Суждение Священного синода об «отпадении» графа от православной церкви из-за провозглашаемых им вследствие пережитого им духовного кризиса новых убеждений (в частности, в «Воскресении») уже более ста лет является предметом горячих споров и дискуссий (см. напр. [2]). Отмечается незаконность, формальное несоответствие и неприемлемость этого шага (см. высказывания религиозных мыслителей и публицистов, например Василия Розанова [3], который, при всем своем несогласии с писателем, находили резон и в его позиции, и в праве придерживаться ее), а также его предыстория, последствия и меры противодействия. На эту тему из новейших обращений особый интерес составляет книга Павла Басинского о причастности Иоанна Кронштадтского к постановлению Синода [4].

Мы не намерены откликаться на эти аспекты события, ибо наша задача состоит в том, чтобы проследить, с одной стороны, нарративные оценочные позиции в описании церковных служб в романе Л.Н. Толстого, а с другой – поэтические детали, мотивы и метафоры, которые выстраиваются в данном контексте в произведении. В.Б. Шкловский лишь намекал на применение метода остранения в этой связи [5], другие исследователи упоминали прием, но тоже не вдавались в подробности, как он, на самом деле, действует при детализации религиозных обрядов и догматов, которые Толстой в своем романе не обличал, как сатирик, а именно обнажал их язык и положения (например, их механичность, бессмысленность или же утверждение божественной сути Христа) во имя прахристианских идеалов, опрощения как слова, так и дела. Отметим, что темой современных исследований является также проблема морализации у Достоевского и Толстого [6]. Помимо идейных вопросов, внимание обращается и на технику письма у этих мастеров слова [7].

Правда, имеются разные подходы к изучению презентации церковных учреждений и ритуалов в романе Толстого, исследователи выявили даже некоторые соответствующие оппозиции в тексте, однако всё же на первый план постоянно выдвигаются вопросы идеологической позиции писателя. Так, составители текстологически проверенного варианта романа особое внимание уделяют истории создания произведения, жизненному материалу, а также развитию не только идей Толстого, но и некоторых поэтических приемов, как контрасты (городской и деревенской жизни) или портретизация в «Воскресении». Между тем они во всех авторских правках раскрывают социальную подоплеку программы Толстого, транслируемой повествователем [8].

Другие работы о романе Толстого дополняют новыми деталями историю создания романа, но фокусируются на мысли о том, что герои являются как рупорами писателя, так и попутчиками в его поисках ответа на нравственные вопросы [9]. Их выводы несколько противоречат, но, с другой стороны, подтверждают положения А.П. Скафтымова о том, что поздний Толстой считал искусство лишь средством проявления т.н. «истины», т.е. идеи [10].

Следует отметить, что в разных сборниках материалов или разделах журналов заключаются интересные материалы о редакциях текста, о проблематике преступления, вины и искупления и т.п. Кроме идейно-содержательного пласта должное внимание отводится и изучению языковых особенностей романа. Рассматриваются и его дискурсивные стратегии и стилистическая специфика, однако намеченного Шкловским лингвопоэтического анализа недостает и здесь.

Выявление дезавтоматизации, противопоставление повествовательной и поэтической плоскостей текста также отсутствует и в других работах, так как в них акцент делается скорее на лингвистическом аспекте, как, например, в книге Д.А. Романова [11], широко исследующего язык романа, или же у В.Г. Андреевой, которая применяет подобный метод исследования текста романа [12], а в статьях С.А. Смирновой и А.А. Суловой предпринято рассмотрение сферы употребления церковных слов в романе [13]. В каждом случае раскрывается желание Толстого продемонстрировать проблему отношения церкви и подлинной веры.

Добавим, что, по мнению Г.Я. Галаган, целью ищущего Толстого было развенчание традиционного взгляда на ценности [14]. Эта концепция в некоторой степени созвучна с нашими размышлениями о деконструкции канонов Толстым. Андрей Тарасов в своей книге представляет разные взгляды на толстовское духовно-религиозное мировоззрение, которое нашло свое отражение в его творчестве. Утверждения об анархизме Толстого, подобные выдвинутым Г.Я. Галаган, противопоставляются точке зрения на писателя как на православного учителя [15].

На наш взгляд, стоит осветить поиски писателя и в создании неканонического, простого слова: как известно, он находил истоки такого языка в народных сказках и евангельских притчах. Знаменательно,

что в конце романа приводятся фразы Евангелия, что многие (см. труды В.Я. Лакшина, Г.А. Бялого и др.) считали не настоящим завершением «Воскресения», лишь началом пути героя к воскресению. Однако, возможно, дело именно в том, что Толстой представил путь языка к очищению от излишних догматических законов и чересчур изошренных наслоений. Следовательно, в связи с обозначенной темой необходимо обратиться к положениям известных толстоведов, а в проблематике представления церковной службы нарочито сниженным словом – к постулатам, выдвинутым В. Шкловским.

Итак, в основе статьи лежит последовательное развитие утверждений известного ученого-формалиста о том, что детализация «опустошенными», лишенными сакрального смысла словами является ярким примером остранения в романе Толстого.

Методы исследования определяются материалом исследования, т.е. применяются приемы лингво-поэтического и нарратологического анализа, в результате которых обнажаются религиозные обряды и язык и создается новое слово. Данная методология позволяет установить разницу между развенчивающим церковный язык повествовательным словом и строящим отличный от него язык поэтическим словом. Анализ словесных мотивов и метафор текста помогает уточнить направление исследовательских поисков.

Результаты и дискуссия

1. Провинциальная церковь

Воскресение не только является заглавием и основной темой романа Л.Н. Толстого, но и получает конкретизацию в повторяющихся описаниях церковного праздника. В первый раз нарратор (носитель монологической идеологичности) отмечает, по какой трудной дороге духовные лица добираются в имение теток героя, чтобы отслужить заутреню «накануне Светло-Христово Воскресения».² Более пристальное внимание он обращает на подобные элементы при описании посещения церкви Нехлюдовым, поскольку такая служба может казаться более правильной и искренней. Верующий народ же не может себе позволить вызвать священника, а сам добирается до сакрального места. Разницу между топсами показывает и то, что дома герой христосуеться только по инерции: во время совершения ритуала он следит за Катюшей, которая приносит кадила. Когда же она собирается «святить куличи и пасхи», он решает поехать за ней в церковь. Герой добирается на верховом, «братцевом», «не перестававшем ржать старом жеребце».³ Здесь фигура князя напоминает образ Дон Кихота, что делает его одновременно смешным и искренним. Однако в церкви он выделяется из толпы, так как одет «в блестящий мундир». Внутренняя борьба героя проявляется в конфликте между преодолением трудностей бездорожья и непогоды, и самолюбием, желанием показаться свету. Из луж спасают его мужики и провожают его до церкви. В этом поступке заметно добродушие простых людей, в отличие от проявляющейся в городе услужливости духовных лиц перед князем. В тексте романа маркируются контрасты между белым и черным цветами («черной темноте, кое-где... освещаемой белеющим снегом»⁴), влажностью и сухостью и т.п.

Присутствие золота и свечей в деревенской церкви не оценивается в наррации негативно, в отличие от последующего описания избыточной и фальшивой острожной службы. Всё как будто служит оживлению и освещению: «Золотой иконостас горел свечами». Пасхальная служба представляется в тексте романа в радужных цветах и красках, которые наиболее впечатляют героя и сохраняются, как «одно из самых светлых и сильных воспоминаний».⁵ Ритуал, посвященный воскресению Христа, наполняет душу героя радостью, приятным волнением в силу присутствия в нем героини. Нехлюдов свой взгляд сосредоточивает на Катюше, «потому что она – центр всего». Ее белый наряд отражает ее светлое, чистое и наивное настроение духа, о чем свидетельствуют детали другого цвета: голубой пояс и красный бантик (отметим, что подобный эпизод с акцентом на «прикосновении» можно наблюдать и в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»).

В фокусе внимания наблюдателя (героя, а через него и нарратора) после службы находятся праздничные обычаи простого народа, отмечающего Пасху: люди искренне христосуются, целуются, дарят друг другу яйца. При выполнении обычаев снова повторяется характеристика внешности героини, в

² Там же. Ibidem.

³ Там же. Ibidem.

⁴ Там же. Ibidem.

⁵ Там же. Ibidem.

этот раз с некоторыми дополнениями, относящимися к главной детали ее портрета: «нежные, чуть-чуть от бессонной ночи **косящие** глянцевиные черные глаза»⁶. Катюша и Нехлюдов теряются, нужно ли им целоваться три раза по предписанию. При этом она всё еще смотрит на него с «покорными глазами», что свидетельствует о том, что она подвластна ему. Повествователь объясняет это так: для героев ночь светлого Воскресения становится временем, «когда любовь эта доходит до своего зенита», когда в ней «нет ничего чувственного». Героиня испытывает чистоту любви «ко всем и ко всему» и в такой любви герой сливается «с нею в одно»⁷. Это не только усиливает их глубокую взаимосвязь, но и особо влияет на героя: вместе с рассветом наступает его просветление, «очищение».

Итак, Нехлюдов полностью проникается настоящим смыслом праздника, заключающемся в словах: «Христос воскрес!», переосмысление которых и составляет главную тему романа. Впоследствии Нехлюдов осознает, что именно после этого кульминационного момента в церкви и наступило их с Катюшей падение. В романном контексте воскресение человека, видимо, может осуществиться лишь в том случае, если он совершает грех, затем кается и вступает на путь искупления, как это делает и герой Толстого: князь изнасилует «полугорничную» в ночь Пасхи, а через много лет, встретив ее на суде, столкнется с ужасом содеянного и решит спасти как себя, так и ее. На пасхальное время выпадает и новая встреча главных героев – на сей раз в тюрьме. Так может начаться новая история воскресения в результате сложной и долгой работы над собой, когда Нехлюдов становится подлинным, гуманным человеком, а не сфокусированным на своем «эго» или социальном статусе. Этот назидательный сюжет представляется и посредством фигурального текста, компоненты которого выделяются нами и далее.

2. Осторожная церковь

Известно, что описание осторожного пасхального богослужения в романе Толстого вызвало всеобщее неодобрение, даже скандал в религиозных кругах и учреждениях из-за того, что обряд был лишен сакральности. Кроме того, открытые филиппики против государя и его семейства также были восприняты с возмущением.

Детализация осторожной службы действительно пропитана резкой иронией, словно на ней присутствует атеист и высмеивает фразы Священного писания и деяния церковных служителей. В описании службы на первый план выдвигается лишь прямой, неподобающий смысл как жеста, так и слов. Однако помимо нарраторских оценок можно обнаружить и поэтические приемы, в том числе в создании новых мотивов, в частности звуковых и природных.

Перечисление звуков, издаваемых арестантами в церкви, напоминает **треск с реки**, который слышит Нехлюдов во время попыток соблазнения Катюши: «**сморкание, откашливание, крик** младенцев и изредка **звон цепей**»⁸. Это напоминает переключку, а затем слияние голосов петухов и свист соловьев той Пасхальной ночи. Заключенные «**шарахнулись**, нажались друг на друга»⁹, чтобы пропустить вперед зрителя. Сакральные, церковнославянские слова тоже непонятны, искажаются или перебиваются неприятным шумом: при поклоне «**забрэнчали** кандалы», а слово «Иисусе» повторяется «**свистом**»¹⁰. И другие звуки раздражают, например, фальшивый голос священника, просящего спасения, а также неестественный или быстрый модус чтения Деяний апостолов «странным, напряженным голосом»¹¹.

Евангельская история падшей женщины, из которой Христос «изгнал семь бесов», удивительно точно совпадает с романной историей Масловой. На службе вместо Марии Магдалины прославляется Пречистая Мария, непорочная мать Спасителя. Сегменты слова «**Богородица**» повторяются в фонограмматическом ряде в описании акта ее прославления: «**громко** закричал после этого священник из-за перегородки, и **хор торжественно** запел, что очень **хорошо** прославлять **родившую Христа** без нарушения девства девицу **Марию**, которая удостоена за это большей чести, чем какие-то **херувимы**, и ...**серафимы**»¹². При этом создается также внутренняя звуковая рифма: «Христа – девства – чести».

⁶ Там же. Ibidem.

⁷ Там же. Ibidem.

⁸ Там же. Ibidem.

⁹ Там же. Ibidem.

¹⁰ Там же. Ibidem.

¹¹ Там же. Ibidem.

¹² Там же. Ibidem.

Таким же образом приводится отрывок о том, как новоявленный Христос велит своим ученикам идти «проповедовать Евангелие всей твари», а перечисленные чудеса при обретении веры (например, «если выпьет яд, то не умрет»¹³) звучат в этом контексте кощунственно.

В романе Толстого легко можно обнаружить противопоставление страшной убогости тюрьмы и богатой отделки церкви. Озолоченность здания последней свидетельствует о том, что купец, на деньги которого оно строилось, думал так искупить свои грехи. При описании богослужения нарратор акцентирует как богатство **наряда** священника, так и вещественных компонентов воспроизведения жертвоприношения Христа: слугитель одет «в особенную странную и очень неудобную **парчовую** одежду» (161). Возникает межтекстуальный параллелизм, проводимый между ритуальным действием и самоубийством. Как Анне Карениной мешает упасть под поезд красный **мешок**, так и священнику мешает «надетый на него парчовый мешок» равномерно поднимать сакральные предметы, однако подчеркивается, что он всё равно выполняет предписания обряда: «целовал стол и то, что было на нем» и «это место ...было обставлено особенной торжественностью»¹⁴.

Наблюдателю-говорящему кажутся немислимыми и другие акты действия священника, например, размахивание салфеткой «над блюдцем и золотой чашей»¹⁵. Он разоблачает **веру** в трансформацию Бога не особым, а простым словом при помощи глаголов, обозначающих **вероятность**: «Предполагалось, что он съел», «считалось, что превращение совершилось», и определяет это «Манипуляцией». Христос определяется как умирающий и воскресающий Бог, и, видимо, с этим догматом православной церкви Толстой также не согласен. Он своим романом будто предлагает другое толкование: настоящее воскресение следует искать не в том, как стали тело и кровь Спасителя разделанным хлебом и красным вином, а в собственном преобразовании верующего человека.

В этом ключе можно понимать и то, что присутствие невинно заключенных людей в остроге лишает праздник его настоящей торжественности, а слова – настоящего смысла. **Причащаются** в основном дети, словно взрослые не хотят участвовать в этом действе, ибо они – арестанты и находятся в безысходном положении, противоречащем высоким словам и обряду. Значение **слов** в прямом смысле также представляет собой нечто противоестественное, страшное: священник «веселым голосом пел песню о том, что дети едят тело Бога и пьют Его кровь»¹⁶. Нарратор возмущается и из-за надругательства над детьми, как он определяет это, словно сопоставляя падение женщины с церковным соблазнением «“малых сих”», с которыми «Христос отождествлял себя» и которых «подвергают жесточайшим мучениям»¹⁷. В отличие от несчастных бедных, веселость (и бодрость) характеризует в тексте романа, в первую очередь, беззаботных и безответственных людей высшего сословия. Священник тоже принадлежит к ним: он становится веселым (вероятно, от выпитого вина), к тому же, издает скрипучий звук (ср. падение), когда выходит «бодрыми шагами».

Дополнительная, «особенная» служба еще более резко обличается в повествовании, порой принимающем вид богохульства. Обряд же уподобляется идолопоклонству: священник перед «золоченым **изображением** (с черным лицом и черными руками) того самого Бога, которого он ел, освещенным десятком восковых свечей»¹⁸, «поклонился в землю»¹⁹. В тексте этой и следующей подглавы романа образ **креста** получает развитие в силу реализации прямого значения слова, а нарратор добавляет, что Христа распяли именно из-за его проповеди против таких актов действий: «изображение той виселицы, на которой был казнен Христос»²⁰. Слово **виселица** буквально шокирует в данном переименовании святыни.

Образ **черного** Иисуса и грязных заключенных (которые становятся словно равнозначными по сходству их цвета и положения) также сильно отличаются от «золоченого креста», к которому богато одетый священник зовет арестантов приложиться. Как на суде ни один из участников не обрацает должного

¹³ Там же. Ibidem.

¹⁴ Там же. Ibidem.

¹⁵ Там же. Ibidem.

¹⁶ Там же. Ibidem.

¹⁷ Там же. Ibidem.

¹⁸ Там же. Ibidem.

¹⁹ Там же. Ibidem.

²⁰ Там же. Ibidem.

внимания на дело Катюши, так и здесь «священник, разговаривая с зрителем, совал крест и свою руку в рот ... арестантам», в то время как они «старались поцеловать» его²¹, т.е. правильно выполнять акт действия обряда.

Таким же образом переосмысливается в романе и значение слова **вера**. Нарратор объясняет мотивации священнослужителей подкупом, деньгами в виде «доходов». Тюремщики, надзиратели находят утешение в такой вере, которая «оправдывала их жестокою службу»²². Большинство арестантов верят во внешнюю сторону религии с надеждой опять же не на спасение, а на комфортную жизнь: в этих «иконах, ... повторениях непонятных слов "Иисусе Сладчайший" и "помилось" заключается таинственная сила», но, увы, «молитвы их остались неисполненными»²³. Вместе с тем только немногие отождествляют веру с «обманом» – это слово, которое также является в романе осуждающим. Заключенная Маслова теперь принадлежит к числу безразличных, ибо выполняет акты обряда лишь по привычке, по примеру других, не придавая ничему особого значения: «испытывала ... смешанное чувство благоговения и скуки». Во время акафиста она рассматривала Федосьиного мужа «и крестилась и кланялась, только когда все это делали»²⁴.

Нарратор так показывает лишенность смысла богослужения, который должен бы совершиться «для утешения и назидания заблудших братьев». Он утверждает, что все торжественные акты действия, слова контрастируют с несчастьем арестантов: «все были очень рады, когда все похвалы окончились»²⁵. При этом он, как резонер Толстого, проповедует жалость и прощение в отношении приговоренных, отказываясь от их суда, от имени подлинной веры.

В повествовании представлена также известная толстовская позиция о том, что религиозные учреждения и догматы противоречат истинному смыслу христианства. Согласно его мнению, мирской суд и наказание являются насилием над людьми: «Иисус, ... запретил не только такое **бессмысленное** многоглаголанье», но и «**судить** людей и держать их в заточении, ... сказав, что он пришел выпустить плененных на свободу»²⁶. В его толковании церковь переиначивает евангельское «возвещение блага», и она является таким же насильником, как и другие государственные **власти**. На наш взгляд, Толстой, как и Христос, требует освобождения заключенных, и, обнажая бессмысленные **слова**, освобождает язык и открывает перед ним новые перспективы, которыми и становится роман «Воскресение».

3. Город – Тюрьма

Всё городское также является воплощением власти, насилия и искусственного, резко отличающегося от мира природы. Вместе с тем некоторые компоненты городского пейзажа встраиваются в целостный, положительно оцениваемый образ сада. Он упоминается в романе и в связи с воспоминаниями о первой любви героев: после суда над Катюшей, а потом времени, проведенного в свете, Нехлюдову «стало жарко», он решает обратиться к Богу, открывает окно и его охватывает «**живительный свежий** воздух». Этот сад отличается от того, что был в имении теток, («тень сучьев оголенного высокого тополя, всеми своими развалинами отчетливо лежащая на песке **расчищенной** площадки. ... под ярким **светом луны**»²⁷). Несмотря на развал и пустоту, подчеркиваются тишина, чистота, свежесть ночи и отчетливость в свете луны (а не «месяца», как в случае «падения»), которые вызывают хорошие чувства на душе героя. Так связываются не только отдельные слова, но и целые фрагменты текста.

Добавим, что перед Пасхой в городе также происходит некое освежение, «очищение». Райский образ природы весеннего города после **теплого** дождя, образ детей, играющих в **зелени**, («зазеленела трава; березы в садах осыпались зеленым **пухом**, и черемуха и тополя расправляли свои длинные **пахучие** листья»²⁸) противопоставляется затворническому человеческому аду. В тексте романа нагромождаются звуковые мотивы и фонические повторы, составляющие текстуальный образ последнего.

²¹ Там же. Ibidem.

²² Там же. Ibidem.

²³ Там же. Ibidem.

²⁴ Там же. Ibidem.

²⁵ Там же. Ibidem.

²⁶ Там же. Ibidem.

²⁷ Там же. Ibidem.

²⁸ Там же. Ibidem.

Горожане готовятся к празднику (например, «вытирали рамы» 167). Поведение людей, однако, кажется фальшивым и лицемерным, несмотря на то, что суета не подвергается отдельной нарраторской оценке, лишь трудящиеся определяются, как бедные и пьяные. Они – рабы, которые «высвобождаются» из заводов, но ими управляют представители власти – городовые с пистолетами (ср. колония), следящие за порядком ради развлечения от **скуки**. Если издаваемые звуки связаны с трудом, то не действуют негативно на слух, но если они гремящие, как церковный звон, который определяется и как «гул», тогда режут воздух: «На **толкучем рынке**, ... ходили **оборванные** люди... У **тракторов** уже теснились, высвободившись из своих фабрик, мужчины ... **гремели** по мостовой тяжелые воза ломовых, **дребезжали** пролетки, и **звенели** конки. Со всех сторон **дрожал** воздух от **разнообразного** звона и гула колоколов»²⁹. К неприятным звукам добавляется еще призыв к такому же **служению**, «какое совершалось **теперь в тюрьме**. И **разряженный народ расходился по своему приходу**»³⁰. Нарратор, выражающий точку зрения главного героя и самого автора, подобным образом оценивает городскую жизнь, как арестантскую службу.

Когда Нехлюдов отправляется в **тюрьму** навестить Катюшу, его встречают словно адские картины, в частности мрачное, «огромное каменное здание»³¹. Блюстители порядка, которые все время проверяют количество заключенных, ходят перед ним с ружьем, символом насилия, не подпуская посетителей. Строгость и крики являются также орудием властей. Прикосновение руки надзирателя сначала оскорбляет героя, как неуважение к его сословному статусу, но потом он осознает то, что важнее: искупление своей вины перед соблазненной женщиной.

В тексте романа подчеркивается неприятный вид тюрьмы и внутри: арестанты сидят за «железными решетками» (169) и им позволяется общаться с родными и знакомыми только через проволочные сетки. Расстройство, тоска, т.е. «нравственное чувство тошноты», испытываемое в этом месте Нехлюдовым, сравнивается в тексте с **качкой** на корабле на воде (171). В сборной комнате изображение распятия вызывает повторную, но уже неразвернутую критику (в этот раз самого героя) в связи с тем, что Христос проповедовал свободу человека (169). Настоящее освобождение в романе воплощается в пребывании в пути, а не в заточении, как это видно из дороги героев на каторгу и следующего за ней их осмысления.

4. Дорога (воскресение)

После прощания с Катюшей в остроге Нехлюдов едет по плохой дороге. Она напоминает ту, по которой когда-то бежала Маслова за возлюбленным на железнодорожную станцию. Здесь ямщик съезжает «с накатанного» пути, и это – «[д]орога, вся изрытая глубокими колеями» (485). Однако яркие краски повсюду после грозы предвещают будущее озарение героя. Значимо также, что он едет на традиционной тройке лошадей. Кроме того, хвойный лес, через который проезжает Нехлюдов, вовсе не страшен и отмечен приятным желтым цветом (пестрел «яркой и песочной **желтизной** не облетевших еще листьев березы и лиственниц»³²). Листья не нежно-желтые, как весной, а знаменуют скорее наступление осени. Однако нет дождя, так как **солнце** всё высушило и осветило. Природа еще сияет, и желтый цвет определяет все компоненты как «пейзажа», так и артефакта (появляющейся церкви – золотые купола, кресты). В отличие от спокойствия в природе, большое село оживлено и шумно, в нем люди «копошатся и галдят» без полезной работы или пьяны, как в городе. Проезд по селу (ямщик будто «шеголяя» едет по главной улице) также носит негативную смысловую нагрузку, как «ненатуральное» явление.

Свой физический путь к «воскресению» Нехлюдов продолжает по **воде**, на пароме, «забравший высоко вверх против течения» (485). Он видит, как сильные, ловкие «и молчаливые» люди работают на пристани. Звуки здесь отсутствуют, за исключением шума воды, топота ног перевозчиков и копыт лошадей. Вид переплываемой «широкой и быстрой» **реки** вызывает мысли героя о **смерти** и **жизни**: движение в первом случае свидетельствует о неуважении к человеку (см. «вздрагивающая <...> голова» умершего Крыльцова), а в последнем – о надежде. Путь же бодро шагающей Катюши представлен не как страшный и тяжелый, а как радостный, «верный», с уважаемым человеком, потому что их общий труд направлен на служение людям (486). Ее выбор в данный момент переносится Нехлюдовым тяжело, потому что он разочаровался в церкви и религии и чувствует, что сам еще не нашел своего призвания.

²⁹ Там же. Ibidem.

³⁰ Там же. Ibidem.

³¹ Там же. Ibidem.

³² Там же. Ibidem.

С целью представить духовные искания героя следует обратиться к поэтическим образам Толстого. Здесь снова упоминается **охота**, правда, в образе охотничьего колокола. Простые люди проявляют уважение («сняли шапки и перекрестились») перед звуком смерти («гул и медное дрожание»). Исключение составляет лишь один «лохматый» старик, который выглядит как нищий бродяга (см. «заплатанные бродни», «вытертая шапка»³³), однако именно он отказывается отдать честь, утверждая, что каждый сам себе хозяин. Эта мысль и ее опровержение становятся важным звеном в процессе духовного становления Нехлюдова. В этой связи надо сделать небольшой экскурс.

Главный герой находит больше веры и божественного духа в одной революционерке, чем в острожных властях. Это мнение у Толстого выражается в том, что он называет ее Верой Богодуховской. После очередного ее обращения к Нехлюдову за помощью в его памяти воспроизводится случай, когда он ради нее уже раз стоял за правду. Он вспоминает об одной охоте, которая оказалась «счастливым и веселым» делом. Так мотив **охоты** появляется в тексте романа не только в переносном смысле как поединок жестокого охотника-судьи и бедной жертвы-обвиняемой, а конкретизируется в жизненном эпизоде, представляемом именно как **очищение** героя.

В описании говорится о том, что «к станции железной дороги» тянулась не колония арестантов, словно на смерть, а охотники, которые по лесу «гусем двигались, <...> сплошь задавленными **сплошными лепешками** снега, <...> блестя красным огнем, закуривал кто-нибудь хорошо пахнущую папиросу»³⁴. **Снег** здесь обозначается как чистый, белый, а не грязный (ср. лужа). Воздух также очищает человека и вонь отсутствует: «дышат морозным воздухом, <...> лицу свежо»³⁵. Обкладчик, бегающий между саниями, погружается «по колено в снегу», как и лоси, про которых он сообщает, что «ходят по глубокому снегу и глодают осиную кору». Однако про медведей Осип рассказывает, что они лежат в теплых берлогах. Здесь можно обнаружить также оппозицию между убитыми и живыми зверями, деловым слугой и отдыхающей знатью. Вместе с тем всё это вызывает приятные чувства Нехлюдова, в противоположность его теперешней ситуации: «грязной» и ленивой жизни после падения. Составляющие комплексного образа охоты повторяются в тексте романа и создают контраст с фрагментом соблазна Катюши.

Прозрение главного героя также отмечено холодным временем года: снова **зима**, идет снег и покрывает дорогу. Пролетка Нехлюдова теперь не несется, к тому же она открыта, так что ее пассажир оказывается под снегом. Он выполняет кажущийся «неприятным»³⁶ долг раздачи Библии острожным вместе с англичанином. Однако после этого поступка герой открывает полученное им Евангелие, осваивает места о служении другим людям и вступает на путь воскресения.

Заключение

На уровне оценочных высказываний в романе раскрывается, как главный герой, позиция которого близка к авторской, при виде лицемерия церкви переживает духовный кризис и ищет выхода («воскресения») из глубокого разлада, постигшего его после падения. При этом становится ясно, что его осмысление передается с помощью авторских поэтических приемов, функция которых также подвергается нашему анализу. В итоге разбора природных и звуковых мотивов (см., например, снег, река, солнце и шум) и реализации метафор (см. охота) можно сделать вывод, что в романе Толстого закрытому пространству учреждений и властных структур (разным инстанциям власти) противопоставлен простор, открытый путь поиска основ веры.

Список литературы

1. Порудоминский В.И. По прочтении «Воскресения». *Вопросы литературы*. 1995; 4. 183–203. Доступно по: <https://voplit.ru/article/po-prochtenii-voskreseniya/>. Ссылка активна на 23.05.2023.
2. Петров Г.И. Отлучение Льва Толстого от церкви. М.: Знание; 1978. – 112 с. Доступно по: <http://l-n-tolstoy.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st000.shtml>. Ссылка активна на 23.05.2023.
3. Розанов В.В. Об отлучении от Церкви гр. Л. Толстого. *Собрание сочинений. Т. 3. В тёмных религиозных лучах*. М.: Республика; 1994. – 476 с. Доступно по: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/

³³ Там же. Ibidem.

³⁴ Там же. Ibidem.

³⁵ Там же. Ibidem.

³⁶ Там же. Ibidem.

istorija_russkaja/rozanov_v_v_sobranie_sochinenij_v_temnykh_religioznykh_luchakh/15-1-0-4504. Ссылка активна на 23.05.2023.

4. Басинский П.В. Святой против льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: 2013. – 572 с. Доступно по: <https://www.litres.ru/book/pavel-basinskiy/svyatoy-protiv-lva-ioann-kronsh-tadtskiy-i-lev-tolstoy-isto-5742558/chitat-onlayn/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

5. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация; 1929. – 268 с. Доступно по: <https://imwerden.de/publ-3341.html>. Ссылка активна на 23.05.2023.

6. Матвеева И.Ю. Темы Ф. Достоевского в повести Л. Толстого «Фальшивый купон». *Вопросы литературы*. 2022; 6. 81-100. Доступно по: <https://voplit.ru/article/temy-f-dostoevskogo-v-povesti-l-tolstogo-falshivuy-kupon/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

7. Дмитриев В.М. Картина Достоевского и панорама Толстого: к истории одной параллели у Вяч. Иванова и Андре Жида. *Русская литература*. 2021; 3. 36-49. Доступно по: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-russkaya-literatura/zhurnal-russkaya-literatura-2021-3/kartina-dostoevskogo-i-panorama-tolstogo-k-istorii-odnoj-paralleli-u-vyach-ivanova-i-andre-zhida/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

8. Гудзий Н.К., Маймин Е.А. Роман Л.Н. Толстого. «Воскресение». *Толстой Л.Н. Воскресение*. М.: Наука; 1964: 483-545. Доступно по: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/vsk/vsk-483-.htm?cmd=p>. Ссылка активна на 23.05.2023.

9. Кузина Л.Н., Тюнькин К.И. «Воскресение» Л.Н. Толстого. М.: Худ. лит.; 1978. – 118 с. Доступно по: https://imwerden.de/pdf/kuzina_tyunkin_voskresenie_1_n_tolstogo_1978__ocr.pdf Ссылка активна на 23.05.2023.

10. Скафтымов А.П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого. *Нравственные искания русских писателей*. М.: Худ. лит.; 1972: 134-181. Доступно по: http://teatr-lib.ru/Library/Skaftimov/nravstv/#_Toc317452532. Ссылка активна на 23.05.2023.

11. Полосина А.Н. Первые переводы на французский язык романа Л.Н. Толстого «Воскресение». *Текст. Книга. Книгоиздание*. Томск; 2014; 2 (6): 72-84. Доступно по: <https://core.ac.uk/reader/287489160>. Ссылка активна на 23.05.2023.

12. Андреева В.Г. Проблема власти в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». *Новый филологический вестник*. 2020; 4 (55): 96-112. Доступно по: http://slovorggu.ru/2020_4/55.pdf. Ссылка активна на 23.05.2023.

13. Смирнова С.А., Сулова А.А. Тематический состав церковной лексики в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». *Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Филологические науки*. 2018; 8: 124-128. Доступно по: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2018/09/Smirnova.pdf>. Ссылка активна на 23.05.2023.

14. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л.: Наука. Ленинградское отделение; 1981. – 176 с. Доступно по: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/%D0%BB-%D0%BD-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8-%D1%85%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE-%D1%8D-%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F>. Ссылка активна на 23.05.2023.

15. Тарасов А.Б. Что есть истина?: праведники Льва Толстого. М.: Языки славянской культуры; 2001. – 172 с. Доступно по: <https://www.litres.ru/book/andrey-borisovich-tarasov/chto-est-istina-pravedniki-lva-tolstogo-10292310/>. Ссылка активна на 23.05.2023.

References

1. Porudominsky VI. On the Reading of the “Resurrection”. *Voprosy literatury*. 1995; 4. 183-203. Available at: <https://voplit.ru/article/po-prochtenii-voskreseniya/>. Accessed May 23, 2023.

2. Petrov GI. Excommunication of Leo Tolstoy from the Church. Moscow: Znanie; 1978:112. Available at: <http://l-n-tolstoy.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st000.shtml>. Accessed May 23, 2023.

3. Rozanov VV. On excommunication of Leo Tolstoy from the Church. *Collected works. In the Dark Rays of Religion*. Moscow: Respublika; 1994:476. Available at: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/rozanov_v_v_sobranie_sochinenij_v_temnykh_religioznykh_luchakh/15-1-0-4504. Accessed May 23, 2023.

4. Basinsky PV. Saint Against the Lion. John Of Kronstadt and Leo Tolstoy: The Story of a Feud. Moscow: 2013: 572. Available at: <https://www.litres.ru/book/pavel-basinskiy/svyatoy-protiv-lva-ioann-kronshtadtskiy-i-lev-tolstoy-isto-5742558/chitat-onlayn/>. Accessed May 23, 2023.

5. Shklovsky VB. On the Theory of Prose. Moscow: Federacija; 1929. Available at: <https://imwerden.de/publ-3341.html>. Accessed May 23, 2023.

6. Matveeva IY. Themes of F. Dostoevsky in the Story of L. Tolstoy „Fake Coupon”. *Voprosy literatury*. 2022; 6. 81-100. Available at: <https://voplit.ru/article/temy-f-dostoevskogo-v-povesti-l-tolstogo-falshivyyj-kupon/>. Accessed May 23, 2023.

7. Dimitriev VM. Dostoevsky’s Painting and Tolstoy’s Panorama: to the History of One Parallel in Vyach. Ivanov And André Gide. *Russian Literature*. 2021; 3. 36-49. Available at: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-russkaya-literatura/zhurnal-russkaya-literatura-2021-3/kartina-dostoevskogo-i-panorama-tolstogo-k-istorii-odnoj-paralleli-u-vyach-ivanova-i-andre-zhida/>. Accessed May 23, 2023.

8. Gudziy NK, Maimin EA “Resurrection” by L.N. Tolstoy. *Tolstoy L.N. Resurrection*. Moscow: Nauka; 1964: 483-493. Available at: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/vsk/vsk-483-.htm?cmd=p>. Accessed May 23, 2023.

9. Kuzina LN, Tyunkin KI. “Resurrection” by L.N. Tolstoy. Moscow: *Hudozhestvennaya Literatura*; 1978:118. Available at: https://imwerden.de/pdf/kuzina_tyunkin_voskresenie_1_n_tolstogo_1978__ocr.pdf. Accessed May 23, 2023.

10. Skaftymov AP. Ideas and Forms in the Works of L. Tolstoy. *Moralistic Quests of Russian Writers*. Moscow: *Hudozhestvennaya Literatura*; 1972: 134-181. Available at: http://teatr-lib.ru/Library/Skaftimov/nravstv/#_Toc317452532. Accessed May 23, 2023.

11. Polosina AN. The first Translations into French of Leo Tolstoy’s novel „Resurrection”. *Text. Book. Book publishing*. Tomsk; 2014; 2 (6): 72-84. Available at: <https://core.ac.uk/reader/287489160>. Accessed May 23, 2023.

12. Andreeva VG. The Problem of Power in the Novel “Resurrection” by L.N. Tolstoy. *The New Philological Bulletin*. 2020; 4 (55): 96-112. Available at: http://slovorggu.ru/2020_4/55.pdf. Accessed May 23, 2023.

13. Smirnova SA, Suslova AA. Thematic Composition of Church Vocabulary in Leo Tolstoy’s Novel „Resurrection”. *International Journal of Humanities and Natural Sciences. Philological Sciences*. 2018; 8: 124-128. Available at: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2018/09/Smirnova.pdf>. Accessed May 23, 2023.

14. Galagan GY. L.N. Tolstoy. Artistic and Ethical searches. Leningrad: Nauka. Leningrad branch; 1981: 176. Available at: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/%D0%BB-%D0%BD-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8-%D1%85%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE-%D1%8D-%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F>. Accessed May 23, 2023.

15. Tarasov AB. What is Truth? The Righteous of Leo Tolstoy. Moscow: Languages of Slavic culture; 2001: 172. Available at: <https://www.litres.ru/book/andrey-borisovich-tarasov/chto-est-istina-pravedniki-lva-tolstogo-10292310/>. Accessed May 23, 2023.

История статьи:

Получена: 19.07.2023

Принята: 10.08.2023

Опубликована онлайн: 25.09.2023

Article history:

Received: 19.07.2023

Accepted: 10.08.2023

Published online: 25.09.2023

Сведения об авторе:

Молнар Ангелика, доктор, доктор философских наук, доцент Института славистики, Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия; *e-mail*: mandzsi@gmail.com.

Bionote:

Angelika Molnar, Dr. habil. (Philology), Associate Professor of the Institute of Slavistics, University of Debrecen, Debrecen, Hungary; *e-mail*: mandzsi@gmail.com.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)